

Николай Самойлов

мистическая фантастика
рассказы

18+

Николай Самойлов

**Мистическая
фантастика. Рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Самойлов Н. Н.

Мистическая фантастика. Рассказы / Н. Н. Самойлов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1841-6

Мистическая фантастика – суть моих рассказов. Современная классика. Прекрасный русский язык. Читатель будет участвовать в расследовании преступления с майором Симоновым. Узнает о последнем бое графа Дракулы с русским богатырём. Попадёт с нашим современником в древнюю Иудею, где его продадут в рабство. Будет участвовать в споре с Дьяволам, чтобы получить право на его сокровища. Узнаете много нового, скучно не будет!

ISBN 978-5-5321-1841-6

© Самойлов Н. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Мистическая фантастика рассказы

Грех майора Симонова

Желтолицее, как китаец, хорошо отдохнувшее за сентябрьскую ночь солнце, еще цеплялось за острые зубцы темно – зеленых, почти черных елей, когда команда директорского катера комсомольского леспромхоза по крутой тропинке спустилась на берег Печоры, Солнце с веселым любопытством разглядывало хмурых, болевших после дня лесника речников. Капитан Савельев Виктор Петрович – высокий, сухощавый, пятидесятилетний мужик со спины сошел бы за молодого парня, да и морщин у него почти не было, лишь матовый цвет лица выдавал возраст. Отвернув бродни, он неторопливо вошел в холодную, как фригидная женщина осеннюю реку, наклонился, окунувшись с головой, выдохнул из груди воздух, прозрачными пузырями выпрыгнувший из воды и выпрямился. Фыркнув по – лошадиному, стряхнул ладонями, сверкнувшие, словно бриллианты капли, как гребнем расчесал растопыренными пальцами рук мокрые волосы. Ему немного полегчало. Савельев вышел на берег, посмотрел на опухшие лица подчиненных, усмехнулся и достал из сумки полторалитровую бутылку пива, предусмотрительно припрятанную с вечера и наполнил протянутые, словно, по команде кружки. Пиво пенилось, как вода за кормой моторной лодки. Речники чокнулись и начали пить, не отрываясь от кружек, крупными, глотками. Глаза у них прояснились, голоса повеселели. По второй каждый выпил не спеша, закусывая большими кусками малосоленного хариуса, принесенного страстным рыбаком – мотористом катера Пашкой Боровиковым. Болтун и балагур он в любой кампании быстро становился своим. Люди любили его за открытость души, готовность и умение шуточной гасить ссоры и скандалы обычные в русском праздничном застолье. Допив пиво, столкнули лодку в Печору. Капитан и рулевой сели первыми. Пашка вытолкнул лодку на глубину, только потом запрыгнул сам, завел мотор и сел у руля. Команда спешила к своему катеру, который они перед праздником поставили в уютный заливчик за Якшей, как гостиницу для приехавших сделать дела, заодно и отдохнуть от городской суеты, Москвичей. Лодка шла ходко. Прозрачно – зеленые усы под носом моторки поседели от пены. Команда надеялась, что у оставшихся на катере охотиться и собирать ягоды москвичей еще осталось привезенное ими спиртное. Водки, вина и пива у них было запасено, чуть меньше, чем воды в Печоре. На день лесника подарили команде пол ящика водки и упаковку полторалитрового пива, поэтому вчера погуляли от души. Давно так беззаботно не отдыхали. В смутные перестроечные времена вечно чего то не хватало: то водки, то денег, то настроения. Когда же у нас власть поуменеет и даст народу жить спокойно: хорошо зарабатывать, растить детей, отдыхать. Каждый генсек был с придурью: Хрущёв, Горбачев, теперь Ельцин! Савельев в сердцах плюнул в ни в чем неповинную печорскую волну и вздохнул. Пашка заглушил мотор, лодка, по дуге вошла в залив, и замерла, уткнувшись в мокрый песок. Паша, выпрыгнув из моторки, вытянул ее на четверть длины по смешанному с галькой песку на берег. Теперь она была похожа на остроносую, выбросившуюся на берег рыбу. С сумками, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить, ещё отдохавших москвичей, мужики поднялись на катер в рулевую рубку. Они рассчитывали поменять малосоленного сига и хариуса на пару бутылок водки, чтобы поправить, подорванное за праздник здоровье. Дождаясь пробуждения москвичей, поставили вариться картошку и вскипятили чай. Москвичи все не просыпались. Ждали час, потом еще один – тишина, никаких признаков жизни, – Наверное, всю ночь гудели, понимающе посмеивались мужики. Небось, девок в Якше нашли – хихикнул Пашка, – они им за ночь жару дали, парни очухаться не могут. Ты бы пошел, Петрович, потревожил, мочи нет ждать. Шас бы, пару стаканчиков дерябнуть и на травку, покемарить минут пятьсот. Смотри, благодать какая! Не подвело бабье лето, глядишь – не налюбуеться! День, действительно радовал. Медово – золотые лучи солнца не жгли – ласкали. Хотелось, замурлыкав, как кошка, растянуться на травке, любясь роскошно разодетым лесом. Осень, словно потерявший разум художник, не уставая, перекрашивало листья на деревьях. Они меняли цвет ежечасно, глаза не успевали уследить и запомнить: зеленые, желтые, малиновые, багряные – как празд-

ничный фейерверк, украшали синеву над головой. Обессилев, листья один за другим падали, задевая за ветви и стволы, чиркали по ним, тревожа душу тихим шепотом прощанья, трепетом неумелого, робкого полета. Упав, они гасли, терялись в траве, как потухшие в полёте искры ночного костра. На сердце было радостно и тревожно от предчувствия близких, неотвратимых, неуютных дождей, грязи, слякоти и скуки. Савельев решительно встал и пошел в директорскую каюту, где, как он предполагал, спали гости. Знаком он был только с одним Грушко Виктором Степановичем, приехавшим на разведку, познакомиться с директором и договорится о поставках в Москву доски и кругляка. Видимо, с директором они поладили, поэтому директор согласился сдать в аренду катер с командой. Такое было в первый раз. Боровиков Петр Викторович человек в годах, старой социалистической закваски не верил, что капитализм все-речь и надолго. За свою долгую жизнь, он насмотрелся на заскоки и капризы вождей, Наде-ялся, что Ельцин перебесится и все пойдет по старому, поэтому старался не связываться с выскочками коммерсантами, норовившими урвать кусок пожирней, и исчезнуть не заплатив, по блатному – кинуть. Только профессиональный праздник и затяжное безденежье, заставило его вести переговоры о сдаче катера в аренду. К гостю должны были подъехать компаньоны из столицы, они хотели и дела сделать, и отдохнуть на северной природе, благо погода стояла теплая, солнечная. По просьбе Грушко, катер поставили на якорь в уютном заливишке, неподалеку от когда то знаменитого на весь Советский Союз Якшинского заповедника с лосефермой. Совсем недавно сюда то и дело привозили иностранцев, часто приезжали ученые. Любили бывать диссиденты, видимо прятались от власти в глуши. Грушко отпустил команду праздновать день лесника, сам в одиночестве остался ждать приезда друзей: Отосплюсь, отдохну, за ягодами похожу, над смыслом жизни и о вечном подумаю. В Москве некогда, суета заела. Савельев согласился с ним. Сам он в Москве больше двух дней не выдерживал. Раздражала бесконечная сутолока, толкотня – не жизнь а базар в праздничный день. С такими мыслями он открыл дверь каюты. Заглянув с порога, он сначала понимающе улыбнулся увидев Грушко и его друзей спящими за столом заставленным водкой, пивом и закусками. Приглядевшись, забеспокоился: слишком неестественными были позы гостей. Войдя в каюту, понял, что они уже никогда не проснутся, и позвал товарищей. Пока они шли, он разглядел на светлых рубашках гостей Грушко ржавые пятна, засохшей крови и чёрное пятно на правом виске самого Грушко. В бессильно упавшей на лавку руке, он держал пистолет. Прибежавшим речникам войти в каюту не дал, чтобы не затоптали следы. Они послушно застыли на пороге с открытыми ртами. Мужики и сами после выпивки могли поскандальить, помахать кулаками, но до стрельбы у них дело никогда не доходило. Среди бутылок Савельев разглядел пакетик с белым порошком и папиросы. Похоже, друзья перепились, накурились и поссорились, У Грушко крыша поехала, застрелил друзей потом себя – задумчиво сказал капитан. А, может, он их сюда специально заманил, чтобы отомстить – предположил Пашка. Решил замочить и утопить в болоте или Печоре. Тогда зачем сам застрелился? – спросил Савельев.– Ладно, это не наше дело, пусть милиция разбирается и по рации позвонил в Комсомольск участковому. Тот, приказав ничего не трогать, никого не подпускать до его приезда, позвонил в районное отделение милиции. В наше переломное время торжества общечеловеческих ценностей, из которых самой общей оказалась жадность, жажда денег любой ценой, лишь бы, побольше и побыстрее одним трупом никого не удивишь. Сегодня, наживаясь за чужой счет, не останавливаются даже перед убийством. Киллеры без работы не сидят. Российский капитализм не отягощает себя совестью и моралью – истинно волк в овечьей шкуре демократии с клыками вампира. Но, даже в такое непутевое время для маленького таежного поселка три трупа за раз дело чрезвычайное, поэтому оперативная группа из района выехала, действительно оперативно, и к четвертым часам была на месте трагедии. Синий потрепанный уазик остановился у черного джипа москвичей. Смотрелся он жалко, как нищий, выпрашивающий милостыню у разодетого богача. Возглавлял группу старший следователь районной милиции ст. лейтенант Соловьев Михаил

Викторович. Пока шли к катеру, участковый торопливо докладывал об увиденном. Речники, во главе с капитаном спали на траве. Видимо, пока сторожили катер, успели хорошо похмелиться. Теперь, раскинув руки, как Гоголевский казак из Запорожской сечи, громко храпели на траве. Судя по количеству пустых бутылок, погуляли москвичи славно. Пакетик с белым порошком, скорее всего был кокаин. Компания веселилась, не обременяя себя принципами и законами. Соловьев впервые столкнулся с таким кровавым делом, раскрыв его можно получить долгожданную звездочку, поэтому нужно очень постараться. Приказал подчиненным работать внимательно, улик не упускать. Осмотрели, сфотографировали, пришла скорая, погрузили трупы, собрали вещь доки отправили в райцентр на экспертизу. Допросили команду и директора леспромхоза. Они ничего о причинах убийства не знали. В райцентр вернулись поздно вечером и разошлись спать, решив, что Утро вечера мудренее. Но и утром ничего кроме версии о ссоре разогретых спиртным и наркотиками компаньонов, придумать не смогли. Им в помощь республиканский прокурор отправил следователя по особо важным делам Симонова Михаила Николаевича. Проклиная ухабы, он за семь часов одолел на своей девятке дорогу до Троицко Печорска. Разбитая вдрызг, она утомила его так, что за ночь в гостинице не отдохнул, поэтому приехал в райотдел в плохом настроении. Прочитав материалы, подготовленные Соловьевым, остался ими недоволен. Хорошо подумав, решил, что читать коллегам мораль смысла нет. Люди, что смогли сделали. На большее у них ни знаний, ни опыта, ни желания надрываться за копейки из – за каких то приезжих москвичей. Экспертиза подтвердила, что смерть наступила от пуля выпущенных из пистолета Грушко. У всех в крови алкоголь и наркотики. В пакете кокаин, папиросы с анашей. Видимо напилась и накурилась до одури. Придется согласиться с выводами Соловьева: убийство и самоубийство в результате действия водки и наркотиков. Симонов еще раз перечитал протокол допроса директора леспромхоза. Боровиков сказал, что Грушко хорошо разбирался в лесе, лесозаготовке и переработке древесины, уверял директора, что сам хороший вальщик и тракторист. Симонов решил узнать у директора, откуда у Грушко эти познания. Разыскав в справочнике телефон леспромхоза, позвонил. Ответившая ему секретарша, соединила с директором. Представившись, Симонов спросил: Петр Викторович, не знаете, где и когда Грушко мог работать вальщиком и трактористом?

Бородин ответил не задумываясь: У нас в Коми за рэкет пять лет зону на Чиньяворике топтал, там и лесозаготовителем стал. Говорил, теперь день лесника каждый год, как свой профессиональный праздник отмечает. Дружка на зоне из Троицка-Печорска завел. Кликуха Рябина, нет, скорее не Рябина, а Калина. Звонил ему от меня, о встрече договаривался. Грушко мне понравился, клялся, что завязал, с криминалом больше не связывается, работает официально, платит налоги и живет спокойно. Я ему поверил, но, видимо, чужая душа, действительно, потемки. Поблагодарив директора, Симонов простился с ним и дал команду Соловьеву разыскать и вызвать на допрос уголовника по кличке Калина. Соловьев справился быстро, Калинин Василий Николаевич состоял на учете, обязан был каждый месяц отмечаться у участкового. После обеда он стоял в кабинете Симонова. Среднего роста в дешевом китайском спортивном костюме, плохо протрезвевший, или уже хорошо похмелившийся, он с порога стал требовать адвоката. Когда узнал, что вызван, как свидетель по делу мертвого Грушко успокоился и заговорил. В зоне Грушко быстро заслужил авторитет: хитрый, жестокий, сообразительный, он быстро научился работать бензопилой, стал вальщиком, потом трактористом. Работал, ел и дрался он левой рукой, поэтому получил кличку Левша, которой гордился. Занимался боксом, классно работал нунчаками. На днях приезжал в гости, отлично погуляли за его счет. Я еще, попросил его захватить до Якши молодую девчонку, фармацевта из аптеки – Зайцеву Светку. Оформив протокол, Симонов отпустил Калину. После его допроса сомнения в самоубийстве Грушко окрепли. Левша не стал бы стреляться правой рукой. Пуля вошла в правый висок, значит, стрелял кто то другой, имитировавший самоубийство Грушко. По видимому, не знавший, что Грушко левша. Нужно отрабатывать новую версию, искать истинного преступника, С

чего начать? Грушко повёз в Якшу молодую девушку, нужно навести о ней справки, допросить и осмотреть постельное белье с катера, на котором спали москвичи. Простыни были связаны узлом и лежали в кабинете следователя, никто их не осматривал, захватили на всякий случай. Симонов развязал узел и осмотрел простыни. Увидел то, что ожидал. На одной из простыней небольшое пятно крови и белесые, словно накрахмаленные разводы – пятна спермы. Значит, все таки :Шерше ля фам – ищите женщину, или нескольких. Позвонил в Якшу на квартиру Князевых. Ответила мать, дочь к телефону не пригласила, сказав, что нет дома и вообще ее дочери с милицией разговаривать не о чем. Симонов сел в девятку и поехал в Якшу. К его удивлению за гравийной дорогой следили– проглаживали утюгом – привязанной к тросу тракторной гусеницей, поэтому доехал быстро за три часа. Сначала мать ссылаясь на болезнь к дочери его не пускала, заслоня дверь в спальню пышной грудью рвущейся из ситцевого халата. Света услышав материнскую ругань вышла, держась за стенку. Симонов, извинившись за беспокойство, спросил: может ли она поговорить с ним? Света высокая длинноволосая блондинка, лет двадцати была в одной сорочке, мать помогла ей дойти до кровати, уложила и укрыла одеялом. Симонову стало ясно, что девушка не симулирует. Бледное лицо, дрожь в руках и ногах, говорили о болезни. Милое круглое лицо с курносом носиком, большие синие глаза, туманили слезы. Девушка сильно волновалась, стараясь казаться спокойной. Щадя девушку, Симонов решил поговорить без протокола: Света я расследую дело о смерти москвичей, гостивших в ваших краях, прошу помочь . Мне очень важно, восстановить по минутам их жизнь за последние дни. – Чем может помочь моя дочь, если она их в глаза не видела– закричала мать девушки. – Прошу вас выйти из комнаты и не мешать нам разговаривать, иначе придется вызывать вашу дочь в милицию.

Мама, очень Прошу, выйди. – Какие секреты могут быть от матери!– Заворчала хозяйка, но на улицу вышла.

Мне сказали, что Грушко подвозил тебя из Троицко Печорска до Якши. Расскажи, что произошло в дороге. Протокол я оформлять не буду. Расскажи честно, как было дело. Девушка побледнела, губы искривились, она упала лицом в подушку и зарыдала. Её худенькое тело бил озноб. Симонов попросил мать принести воды, чтобы успокоить девушку. Софья Мироновна кинулась на него, как десантник в атаку – сжав кулаки и громыхая проклятиями: Вон, из дома! Девочка столько пережила! До психушки довести дочь хотите, не позволю! Слова взрывались, как снаряды. Симонов невольно пригнул голову. – Сволочи, негодяи, когда простой человек о помощи просит вас близко нет, не дозовешься. Зато, за деньги богатого подонка, готовы землю рыть, честным людям жизнь портить. Не дам! Сволочи, негодяи! Вам бы только козла отпущения найти и дело закрыть! Бандиты грабят, убивают, насилуют – прячетесь, боитесь тронуть! Увидев, что и дочь и мать на грани срыва, Симонов подождал пока они успокоятся. Наконец заплакавшись, Света попила воды и сказала, что готова все рассказать: У мамы гипертония. Часто повышается давление. Фельдшерский пункт закрыли, срочную помощь оказать некому, поэтому она попросила меня привезти ей таблетки клофелина для понижения давления. Я купила и стала искать попутку до дома. Моя знакомая Лена Гончарова, всю ночь пьянствовавшая с Калиной и Грушко, узнав о проблеме, разыскала Калину, тот уговорил Грушко захватить с собой меня. В пути он вел себя вежливо, шутил, рассказывал анекдоты, сыпал комплименты. Говорил, что в Москве хорошую, честную девушку найти трудно. Кругом одни шлюхи, поэтому до сих пор не может жениться. Вот на тебе, женился бы, не раздумывая. Скромную, домашнюю девушку сразу видно. Света покраснела, но слушать было приятно, хотелось верить. Коммерсант ей все больше нравился. У поворота на Якшу он предложил сначала проведать катер, потом ехать к матери. Отвезу до дома, заодно с будущей тещей познакомлюсь, сто грамм с тестем выпью. Света, чтобы не дожидаться попуток, согласилась. Катер был на месте, посторонних не было. Грушко предложил зайти взять с собой из его запасов хорошего вина, водки и пива, чтобы ехать к будущим родственникам не с пустыми руками. Собрав сумку, сказал, что прого-

лодался и предложил наскоро перекусить и выпить шампанское за знакомство. Голодная Света согласилась. Выпили, закусили шоколадом, потом она вышла в туалет, когда пришла, шампанское уже было налито. Она сказала, что ей хватит, Грушко уговорил выпить на дорожку. Выпила и почувствовала, что опьянела, голова закружилась, стало весело, она перестала стесняться и стыдиться, даже закурила. Стены закачались и поплыли, догоняя дым от сигареты. Видимо Грушко подсыпал в шампанское наркотик. Проснулась, сразу даже не поняла, где находится, голова трещала, тошнило. Оглядевшись, она увидела, что лежит голая, рядом с Грушко. Стала вспоминать, как здесь очутилась. Когда до нее, наконец, дошло, что случилось, вскочила и голая кинулась бежать сама толком не понимая куда и зачем. Грушко догнал её, подхватил на руки и понес в каюту. Она попыталась сопротивляться, но он начал целовать ее, клялся, что ничего страшного не произошло, что непременно женится на ней, ведь, она досталась ему девушкой. Он конкретный пацан, не кидала, слово сдержит. Вчера у них было обручение, маленькая свадьба, после приезда его друзей из Москвы, устроят большую, веселую, какой в Якше еще не видели. О такой чистой, чудесной девушке он мечтал всю жизнь и теперь очень счастлив, что наконец то нашел. Не зря за тридевять земель ехал. Говорил так искренне, что она поверила. Потом, сказал, что в таком виде домой ей ехать нельзя, нужно отоспаться, встретить друзей, которые должны появиться с минуты на минуту, потом ехать. Свете очень хотелось верить, что все кончится хорошо, что отец с матерью не будут ее ругать и стыдить за сделанное. Наоборот, будут рады богатому жениху. Она успокоилась, повеселела Грушко сказал, что у них начался медовый месяц во время которого он хочет научить жену всем тонкостям любви. Чтобы меньше стеснялась, предложил выпить шампанское, дал выкурить сигарету. Реальность опять исчезла, Света раскрепостилась и выполняла желания жениха, утомившись уснула. Пока она спала, Грушко встретил своих друзей. Представил их проснувшейся Свете: высокий, чернявый Дима, лысоватый, коренастый качек Сергей. Они поздравили ее с богатым женихом, обещали пышную свадьбу и богатые подарки. Потом они заявили, что проголодались и попросили накрыть на стол. Света отварила картошку, порезала буженину, колбасу, свежие огурцы и помидоры. Сели за стол, парни выпили, потом Сергей принес пакет с белым порошком и предложил нюхнуть. Рассыпали порошок, свернули из бумаги трубочки и стали вдыхать через них порошок носом, быстро развеселились, Уговорили попробовать Свету. Она, боясь рассердить жениха втянула порошок носом, потом выкурила сигарет, выпила шампанское больше ничего не помнит. Проснулась голая, рядом храпели голые парни, тело болело, мутило. Придя в себя, поняла, что этой ночью у нее было сразу три мужа. От стыда и отчаяния она не хотела больше жить. Вскочила, кинулась бежать, ноги заплетались, споткнувшись о Сергея, упала на Диму. Он проснулся, рассмеялся и спросил: что понравилось? – полез на нее. Она закричала, стала сопротивляться, царапаться. Тогда он ударил ее раскрытой ладонью в лоб, голова закружилась. Дима изнасиловал ее. Проснулись Грушко и Сергей, стали решать, кто будет следующим. Она расплакалась и стала проситься домой. Грушко достал пистолет и сказал, что если она не будет слушаться, он пристрелит ее, а труп утопит в болоте. О том, что она здесь никому не известно, поэтому и искать не будут. Света лихорадочно размышляя, как освободиться, вспомнила про клофелин и когда ее голую, чтобы не убежала послали за водкой и пивом, достала несколько таблеток и бросила в водку. Водку поставила на стол. Парни ничего не заметили, выпили водку с клофелином и уснули. Накинув на себя платье и схватив туфли, она босиком выбежала на лесовозную дорогу. Бежала, плохо соображая куда, сколько времени прошло не помнит. Когда ее догнал гружёный лесовоз, упала, потеряв сознание. На ее счастье в машине ехал отец. Увидев дочь, он сначала не поверил собственным глазам. Побрызгав на лицо водой, привел её в чувство, и расспросил, что случилось. Она забилась в истерике. Узнав из ее сбивчивых речей, где находится катер, посадил дочь в кабину, отвез домой и передал матери. Пока Света металась в бреду, мать, отпаивая ее все это время травами, не спала сутки. Москвичей она не убивала. Усыпила клофелином, пистолет даже в руки не брала и кто убил

москвичей не знает. Когда убегала с катера, все были живы. Бледная, трясущаяся от ярости мать закричала: чего привязался к девчонке! Ей и так от этих подлецов досталось. Убить их мало. Были бы живы, собственными руками им яйца оторвала. Посмотрев на ее могучие плечи, Симонов поверил ей. Потом подумал и спросил: Где найти твоего мужа? – А он тебе зачем? В тот вечер, как дочь привез, сразу поехал разгружаться, свидетели есть. Разгрузился домой приехал, больше никуда не ходил. Соседи подтвердят. Сутки от дочери не отходили. Нам не до этих подонков было. Симонов поехал на лесопильный цех, где разгружались лесовозы с сортиментом. Попросил начальника цеха показать ему Князева, когда приедет под разгрузку. Минут через двадцать, из подъехавшего маза выпрыгнул черноволосый, кудрявый, похожий на кавказца водитель, Начальник цеха показал на него. Симонов подошел к невысокому, кряжистому мужику. Нос с горбинкой и карие глаза не оставляли сомнений в его горячей кавказской крови. Колочий, неломкий взгляд говорил о сильном и упорно характере – такой не простит – подумал Симонов. Поздоровавшись, попросил поговорить с ним по важному для его дочери вопросу. Сели в девятку. Князев был спокоен и уверен в себе, если и волновался, то виду не показывал. Мне вам сказать нечего. Встретил дочь, отвез домой и поехал под разгрузку, свидетелей пол поселка. Так, что идите своей дорогой, гражданин начальник. Мне добавить нечего. У меня железное алиби. Симонов понимал, что будь он на его месте, сказал бы и сделал тоже самое. Нельзя позволить подонкам ломать и калечит жизнь простым людям, именно безнаказанность делает их такими смелыми и наглými. Преступники с деньгами откупаются, простых людей сажают за копейку, им приходится надеяться только на себя. Посмотрел в острые, по звериному злые глаза, и сказал: я понимаю вас. Сам бы на вашем месте поступил так же, сочувствую и хочу помочь. Постарайтесь вспомнить не видел ли ктонибудь вас на катере?

– На понт берешь, начальник? Вы за звездочку, да за зеленые и святого готовы засадить. Не в чем мне сознаваться. Я этих москвичей и в глаза не видел.

Симонов разозлился: Не хочешь по хорошему, тогда предъявлю обвинение твоей дочери. Она видела москвичей, была у них на катере, повод их убить у нее был.

В ответ на эти слова, хищно сверкнули темные глаза, блеснули белые зубы. Настоящий зверь – подумал Симонов. – Знал бы, Грушко с кем связался, обошел бы Свету стороной.

– Пиши, мент, я застрелил. Нужно было, яйца им оторвать и живьем в муравьиную кучу закопать.

– Рассказывай подробно. – приказал Симонов.

– Чего рассказывать? Увидел Светку бледную, еле живую, понял беда. Кровь в голову ударила, плохо помню, что делал. Светка показала, где катер находится и потеряла сознание. Начался бред. У меня в глазах почернело, дороги не вижу. Остановил МАЗ, схватил монтировку и бегом на катер. Метров пятьсот до него было. Захожу, вижу – спят падлы. Пистолет на столе лежит. Мигом все продумал: выстрелил первому в висок, Двое проснулись уложил и их. Протёр пистолет и вложил в руку первого. Чтобы все было шито – крыт, ничего трогать не стал, с порога ушёл в машину. Пиши, подпишусь.

– Ничего я писать не буду. Может, и я сделал бы то же самое. Только по пьянке не проболтайся, а то и сам сядешь и меня подведешь. Карие глаза водителя смотрели настороженно и удивленно: Это все? Арестовывать не будешь? Или это теперь новый ментовский прием?

– За что арестовывать? У тебя же алиби. Встретил больную дочь на перекрестке, отвез домой и поехал разгружаться, разгрузился и сразу домой поехал, ухаживать за больной дочерью.

– Так оно и было. Спасибо земляк! Оказывается и среди вас люди попадают.

– Везде есть. Успехов в труде! – Симонов сел в девятку и поехал в райцентр. По дороге еще раз неспеша обдумал всё, что произошло за день. Не хорошо брать грех на душу. А грех ли? Вон, комиссар Мегре, в Жёлтом псе Жоржа Сименона, цивилизованный, законопослушный француз, а взял на себя вину за яд в бутылке с вином, чтобы спасти влюбленных бродяг,

да еще и бежать помог. Я сделал много меньше: не разглядел пятен на грязных простынях и в протокол не записал того, что Грушко левшой был.

Соловьев встретил его сухо, с трудом скрывая недовольство:

– Ну, рассказывай, чего откопал в Якше.

– А, я ничего и не копал. За ягодами ездил, жена попросила. Так, что успокойся. Дело вы раскрыли сложное, кровавое, молодцы! Ждите теперь наград. Тебе наверняка, звездочка на погоны за Москвичей упадёт. Готовь коньяк.

– Почему не сказал про ягоды? Мы бы их тебе и тут нашли, а стол сейчас накроем – повеселел Соловьев.

Симонов позвонил генералу, доложил, что дело закончено и попросил разрешения вернуться. Довольный генерал дал добро. Через пятнадцать минут все сидели за столом. Коллеги весело галдели, Симонов понял, что вместо врагов у него теперь появились новые друзья и уже ничуть не жалел, о том что тремя подонками на земле стало меньше. Выпив рюмку коньяка, попрощался, сел в машину и резко нажал на газ. Колеса обиженно взвизгнули, закрутились, замелькали километровые столбы вдоль построенной голодными зеками дороги Троицко–Печорск Ухта.

последний бой графа Дракулы.

Весёлые, майские звёзды сияли над нашими головами, как шляпки золотых гвоздей, вбитых в черный бархат ночного неба. Новорождённый месяц, узкий, неокрепший был лёгок, нежен и прозрачен, как , потерянное ветром пёрышко перистого облака. Воздух, настоенный на аромате цветущей сирени, дурманил голову мечтами и лишал сна влюблённых. Мы с Ольгой сидели у костра, околдованные прелестями майской ночи. Сердце, то сладко замирало, от перехватывающей дыхание нежности, то вздымало грудь гулками взволнованными ударами. Ощущение близкого чуда живёт во мне с первых минут знакомства с Ольгой.

Я, до мельчайших подробностей, помню тот день. Толстые, сизобрюхие тучи неторопливо плыли по высокому, густо – голубому небу. Они напоминали мне сытых коров, пасущихся на синем лугу. Некоторые, мимоходом, поливали город мелким, как бисер, дождём. Пёстрые, словно отчеканенные из меди и бронзы листья клёнов, падали на асфальт с ослабевших ветвей. Струи дождя приклеивали их к чёрному, блестящему, как кусок антрацита, асфальту. Дождь кончился внезапно, снова, улыбнулось солнце, цветы зонтов свернулись в бутоны. Мне было грустно и одиноко в ярко раскрашенном Бабым Летом парке. Неожиданно в ушах зазвенел завораживающий, как песня жаворонка в летнем небе, женский голос. Он пел мой любимый романс: Я ехала домой. Душа была полна неясным для самой, каким то новым счастьем.

Я слышал голос так явственно, что стал озираться по сторонам, чтобы увидеть певицу. Оглянулся и замер, увидев высокую, стройную блондинку. Она шла по золотой ковровой дорожке , сотканной из берёзовой листвы, приветливо сияя синими глазами и улыбалась своим мыслям. Нежный, звучащий во мне голос, затих, и я вдруг понял, что наконец то встретил свою любовь. Забыв, куда и зачем иду, повернулся и пошёл по берёзовой аллее навстречу девушке, не отрывая глаз от её удивительного, иконно – прекрасного лица. Поравнявшись, протянул ей руки, словно случайно встреченной на улице давней знакомой и спросил: Здравствуй! Она заулыбалась ещё шире.

– Как тебя зовут?

Девушка не возмутилась, не испугалась, даже не удивилась. Доверчиво вложила свои тонкие, тёплые ладони в мои, и ответила:

– Ольга.

Я – Андрей. Ты не спешишь?

– Нет. Иду после школы домой, наслаждаюсь капризами осеннего дня и думаю, как мне завтра отметить свой день рождения. Не хочу шумных застолий, слащавых поздравлений и неискренних пожеланий.

– Хочешь отпразднуем его полётом на самолёте и прыжком с парашюта – неожиданно для самого себя предложил я.

– Ты прыгала с парашютом?

– Нет, ещё не приходилось.

– Тогда гарантирую, что это будет незабываемый день рождения!

– А мне разрешат прыгнуть?

– Завтра, как раз запланированы прыжки нашей группы. Мой отец – инструктор. Попробую его уговорить. Если разрешит, прыгнем. Ты не представляешь себе, какой кайф испытываешь, когда, после свободного падения, раскрывается парашют. Летишь и разглядываешь приближающуюся землю. Ощущения незабываемые!

Ольга моему предложению обрадовалась. Глаза заискрились, стали ещё синей и приветливей:

– Мне очень хочется, лишь бы твой папа разрешил мне прыгнуть. Это был бы лучший день рождения в моей жизни. Мы шли по городу, не замечая ни дождя, ни луж, забыв, что нас ждут дома.

Золотые своды берёзовых аллей не спасали нас от дождинок. Мы промокли, но расставаться не хотелось, гуляли до позднего вечера. Я с увлечением рассказывал о прыжках с парашютом, о том, как нужно управлять полётом, как приземляться. Расстались, когда совсем стемнело, у дверей её подъезда.

На следующее утро мы встретились, там, где расстались, сели в автобус и поехали на аэродром. Долго уговаривал отца разрешить Ольге прыгнуть с парашютом. Уговорил с большим трудом. Он сам уложил для неё парашют, потом долго объяснял, как нужно управлять парашютом в полёте, как приземляться. Разрешил прыгнуть, только убедившись, что она хорошо поняла и запомнила его инструкции. Ясный, янтарно – прозрачный, от уже нежаркого, но ещё яркого солнца, день был прекрасен. Самолёт пролетел над ярким, украшенным для бала в честь Бабьего лета, лесом. Над серо зелёным лугом по команде отца начали прыгать. Я нырнул в люк вслед за Ольгой, догнал её, после этого раскрыл парашют. Ветер нёс нас, как семена одуванчика. Ольга кричала от восторга. Я любовался ею, всё больше убеждаясь, что нашёл свою вторую половину.

С тех пор мы встречались ежедневно, ходили в театры, музеи, кино и говорили, говорили. Всегда находилось столько интересных тем, проблем и событий, что мы не успевали все обсудить. Месяца через два, после нашей первой встречи, мы познакомили наших родителей. Они понравились друг – другу и стали встречаться по воскресеньям, уже не сомневаясь, что скоро станут родственниками. Ольга с первой встречи так понравилась моему отцу, что он как – то вечером сказал мне: «эта девушка чудо, смотри не упусти её. Она не предаст ни в радости, ни в печали.» Я и сам понимал это. Раньше такой никогда не видел. Тонкая, гибкая, при этом сильная и быстрая, как удар хлыста. Она могла так посмотреть и сказать, что у наглецов пропадала охота хамить и приставать к ней. В Ольге чувствовалась порода. Она и в самом деле была из прославившегося в семнадцатом веке рода. Перед революцией обеднели, это видимо и спасло её прадедов от внимания ЧК. Внимательно изучив её родословную, мы узнали, где находилось её родовое имение. К сожалению, в наше время от старинной усадьбы остались только развалины. Решили съездить посмотреть на них. В мае уговорили родителей отпустить нас с ночёвкой. От двухэтажного особняка остались только развалины. Ночевать решили в палатке. Я установил её на полянке, окружённой кустами цветущей сирени. От барского дома сохранился только фундамент, выложенный из белого, тёсанного песчаника. От большого, когда то

процветающего села, осталась только, на удивление хорошо сохранившаяся, белотелая красавица церковь с колокольной.

Стройная, грациозная она, как танцующая на сцене балерина, стояла на высоком, зелёном холме, отражаясь в небольшом, но ещё глубоком пруду, синим зеркалом лежащим на яркой зелени весеннего луга. Налюбовавшись развалинами, мы попили чай и сидели, наслаждаясь прелестями майской ночи. Уютный костёр, светом, плясавшего на сухих ветках языков пламени, отпугивал от нас лохматый, дикий мрак ночи. Ощетинившись чёрными тенями, он быстрыми, беззвучными, прыжками убежал в густые заросли сирени. Кусты были гуще и чернее звёздного неба над нами, поэтому служили хорошим убежищем и для пугливой тьмы, и для таинственных шорохов, которые время от времени доносились из них. Перевалило за полночь, мы уже готовились лечь спать, когда Ольга вдруг вздрогнула, придвинулась ко мне и прошептала: – ты слышишь? Я прислушался.

Хорошо мне запомнившийся, в день знакомства с Ольгой, голос пел:

Я ехала домой... Двурогая луна

Смотрела в окна скучного вагона

Далёкий благовест заутреннего звона

Пел в воздухе, как нежная струна.

Кто то поёт мой любимый романс. Пойду, посмотрю кто.

Я с тобой решительно поднялась с земли Ольга.

Мы пошли на голос. Выйдя за кольцо зарослей сирени, увидели светлый силуэт высокой, девушки в длинном, белом, явно старинном, платье. Девушка повернулась к нам и призывно махнула своей тонкой, прозрачной рукой. Мы поняли, что она зовёт нас.

– Неужели привидение? – воскликнула Ольга и дрожа, от охватившего её волнения, прижалась ко мне. У меня самого мурашки по спине пробежали, сердце рванулось в галоп, сотрясая грудь сильными ударами, но я старался не подавать вида, что изумлён и взволнован.

Приведение было бледным и хрупким, как месяц над нами. Казалось, дунь ветерок чуть смелее, и оно исчезнет, разорванное им в клочья. Но таинственная девушка бесстрашно шла в сторону развалин барской усадьбы. Мы шли за нею, как зачарованные, страха не было. Наконец, привидение остановилось в центре развалин помещичьего дома, показало рукой вниз и исчезло, как растаявшая на солнце льдинка. Судя по остаткам фундамента, на указанном ею месте, когда то была, ведущая на второй этаж, широкая лестница. Пораженные увиденным, мы с Ольгой стояли не зная, что сказать друг другу. Одновременно двоим, такое померещиться не могло, поэтому мы договорились утром, ещё раз осмотреть место, показанное нам видением. Вернувшись к костру, попытались уснуть, но не смогли. Всю ночь просидели у костра, обсуждая пережитое, фантазия разыгралась: мы уже видели полные золота и драгоценных камней окованные железом сундуки, которые долгие годы ждали нас под землёй, охраняемые привидением.

– Видимо, это одна из твоих прабабок решила подарить тебе наследство, поэтому показало место, где оно закопано. За разговорами о кладе ночь пролетела быстро. Едва рассвело, я достал из багажника сапёрную лопату и принялся копать в, указанном ночной гостьей месте. Дело шло медленно, мешали обломки кирпича и камни. Через час, когда яма стала глубиной больше метра, моя лопата наткнулась на большой камень. Расчистив его, мы увидели огромную гранитную плиту, с высеченным на ней рыцарским щитом. На щите были изображены гигантский двуручный меч и шпага, казавшаяся рядом с ним игрушечной. Под ними, старинной славянской вязью было сплетено кружево из слов рыцарского девиза: Не предаю, не продаюсь, в бою и чёрта не боюсь! Это герб и девиз нашего рода! сказала Ольга.

Не хилыми были в твоём роду мужчины, если жили по такому девизу, задумчиво сказал я.

Во всяком случае, отважные, верные слову и долгу. Интересно, что под этой плитой – клад или могила? – спросила меня взволнованная Ольга.

Кто же хоронит в доме! Конечно клад. Только, вряд ли мы вдвоём эту плиту с места сдвинем. Без подъёмного крана этот камень нам не поднять. Пока я это говорил лопата зазвенела, ударившись о железный стержень, который торчал из земли рядом с плитой. Я откопав его так, чтобы можно было ухватиться за него руками, взялся и стал раскачивать, пытаюсь вырвать стержень из земли. Под моим напором стержень подался и повернулся по часовой стрелке, как рычаг вокруг оси.

Плита задрожала. Из под неё раздался, громкий, зловещий скрежет. Казалось, что мертвецы, вырываясь из могилы, царапают гранит железными когтями и грызут камень крепкими зубами. Земля стала уходить из – под моих ног. Чтобы не провалиться, в открывавшуюся подо мной бездну, я поспешно выпрыгнул из ямы, ухватившись, за поданную мне Олей руку. Плита со скрежетом, повернулась вокруг оси, и встав вертикально, открыла вход в подземелье. У нас перехватило дыхание, вот оказывается, где жило привидение! Интересно, какие сокровища оно так долго охраняло?

Дрожа от нетерпения, мы стали спускаться по каменной лестнице в затхлый полумрак подвала. Широкие ступени из серого гранита привели нас в шестигранную комнату.

Её свод и стены были выложены из красного кирпича. Паутина свисала со стен и потолка подвала, как тяжёлые, пыльные, истлевшие в клочья гардины. Привыкнув к полумраку, я разглядел над головой кованную из меди люстру, с витыми восковыми свечами. К нашему удивлению свечи были целыми, словно кто то вставил их, предвидя наш приход.

На душе стало тревожно, взяв себя в руки, я предложил Ольге встать мне на плечи, дотянуться до люстры и зажечь свечи. Когда свечи затрепетали на сквозняке золотыми огоньками, как бабочки крыльями, под люстрой образовался круг света, вписанный в шестигранник комнаты. Стены оставались в полумраке. Мы огляделись. Шестигранный зал был торжественно, величаво прекрасен. Строгая суровая красота будила воображение, казалось, что через мгновение по гранитным плитам загремят шаги былинных богатырей, зазвонят мечи и кольчуги и из полумрака выйдут могучие воины, защитники Русской земли. Старинная мебель, книги, картины и развешанное на стенах оружие, переносили нас в прошлое. В музее эти вещи смотрятся совсем по другому. В пыли и паутине они кажутся древнее и загадочней. На стене напротив лестницы висели портреты мужчины и женщины. Даже сквозь многовековую пыль и полумрак подвала их глаза, как живые смотрели на нас пристально и неотрывно. И мужчина, и женщина были в белых, пышных париках времён Екатерины великой.

Женщина, как две капли воды была похожа на Ольгу: такой же смелый, неломкий синий взгляд и пухлые, алые губы. Она приветливо улыбалась. Казалось, что она радуется долгожданному приходу правнучки. Мужчина молодой богатырь с могучей шеей, квадратным подбородком, орлиным носом и пристальным взглядом серых глаз был бы замечен красотой, ростом и крепким сложением в любой толпе. С первого взгляда было ясно, что он отважен, силен и решителен. На резном столике между портретами лежала старинная библия и несколько книг. На противоположной стене висел скрещенный со шпагой двуручный меч и щит с княжеским гербом и девизом: не предаю, не продаюсь, в бою и чёрта не боюсь.

Правее портретов, в красном углу висели старинные иконы и потухшая лампада. Левее находился украшенный изразцами и кованными решётками большой камин. Напротив него стояли два кресла, между ними крепкий, как гриб – боровик, столик из дуба. На нём поблёскивал окованный серебром и золотом ларец. Его крышку украшал фамильный герб. По периметру золотом и чернью славянской вязью надпись: Внуку моих внуков: береги веру, уважай родителей, служи царю, тогда бог не оставит тебя в битвах и поможет в трудах. У воина одна дорога – служить царю, отчизне, богу!

Осмотрев комнату, мы решили, что сокровища могут находиться только в ларце. У меня перехватило дух, даже перед первым прыжком с парашютом, я так не волновался. Попытался открыть. Подёргав крышку, убедился, что она закрыта на тайный замок. Мы внимательно

осмотрели столик, ключа нигде не было, тогда я стал ощупывать ларец разыскивая скрытый от глаз рычажок, или кнопку. Не нашёл. Присмотревшись к гербу на крышке заметил, что меч и шпага на щите прикреплены к щиту золотой заклёпкой – осью. Попробовал повернуть скрещенное насмерть оружие вокруг оси по часовой стрелке, меч и шпага повернулись на 180 градусов, раздался звон колокольчиков и крышка ларца открылась. К нашему разочарованию вместо искристого сияния алмазов и весёлого солнечного блеска золота мы увидели в ларце толстую книгу. Я достал её и вынес на дневной свет. Оказалось, что не только переплёт, но и все листы книги сделаны из тонкой, великолепно выделанной и выбеленной кожи. На кожаных листах синий рукописный текст, украшенный яркими праздничными красками заглавных букв.

Посоветовавшись, мы с Ольгой решили, что прочтём рукопись дома. Я отнёс ларец в машину, потушил на люстре свечи и опустил плиту на место. После этого мы забросали её кирпичом, камнями и землёй, укрыв от посторонних глаз. Пока работали, проголодались, но ещё больше мучило любопытство, хотелось узнать, какие тайны хранит таинственная рукопись, поэтому терять время на пустую болтовню не стали, позавтракали остатками ужина и привезёнными из дома бутербродами. Запив их минералкой, поехали домой.

Дома, сообщив родителям, что мы благополучно вернулись сели читать. Дело двигалось медленно. Русский язык со времён Екатерины велико сильно изменился, пришлось прибегнуть к словарям. В переводе на современный язык Ольгин предок писал: Я Семён Павлович Вяземский – потомок древнего славного рода, столетиями служившего России перед Богом и людьми клянусь, что всё описанное в этой рукописи чистая правда, здесь нет ни слова лжи и выдумки. Все события произошли со мной, моей женой и моими спутниками и слугами во время нашего путешествия зимой 17 во Францию. Моя жена Ольга урождённая Волконская тому свидетельница.

В тот год мне исполнилось двадцать лет. С благословения своих родителей я женился на княжне Ольге Волконской в которую был влюблён с четырнадцати лет. Второй такой красивой, доброй и преданной на свете не было, и нет. К моему счастью, она на мою преданную любовь ответила взаимностью, родители порадовались нашей взаимной привязанности и благословили нас на совместную долгую и счастливую жизнь. Поздней осенью мы сыграли пышную свадьбу. Потом погостив месяц у родителей Ольги, решили поехать в свадебное путешествие во Францию. Посмотреть Париж, заодно проведать брата моего отца служившего секретарём Русского посла во Франции. По дороге в попутчики к нам напросился французский барон, возвращавшийся домой после путешествия по России. Ехать в компании с нами ему казалось веселее и безопаснее.

Зная распутный нрав и легкомыслие французов, я согласился на это неохотно. Барон с первого дня стал слишком явно ухаживать за моей женой, смущая её, и досаждая мне своей галантной назойливостью. Скоро его комплименты, целование руки и надоедливые шутки стали вызывать у Ольги головную боль у меня ярость. Я с трудом сдерживал своё желание проткнуть слащавого, разряженного, как павлин ухажёра шпагой. Скорее всего, наше совместное путешествие с ним кончилось бы дуэлью, но к счастью в Польше к нам присоединилась ещё одна пара путешественников – польских панов Владиевских. Черноволосая, кареглазая, игриво – очаровательная пани Мария была ярка, резва и игрива, как майская молния. С первого взгляда было понятно, что главным в её жизни были веселье и развлечения: Балы, наряды, танцы, светское общество, поклонение мужчин и зависть женщин. Её муж Збышек – хвастливый балагур и повеса, еду, вино и пиво любил больше жены, поэтому она часто скучала бы одна, не будь рядом галантного француза. Он с удовольствием помогал ей коротать свободное время. Это была прекрасная пара. Они друг друга стоили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.